

Чтобы помочь детям — мало лишь решимости, нужно ещё что-то сделать. По итогу дискуссии с Лютцем и Франом, мы провозгласили, что жизнь детей — ценна, а это значит, что будет сделано всё возможное для их спасения.

Было решено начать с поставок еды. Их тела сильно измождены, поэтому употребление твёрдой пищи для них невозможно. Мы будем кормить их смесью сухарей с бульоном. Такая смесь называется хлебная каша. Гил будет носить им порции хлебной каши через секретный вход. Фран будет приносить благословения к главному входу, отвлекая нежелательное внимание от Гила. Как сказал Фран, такая схема поставок будет самой удачной для всех нас.

— В каком-то смысле, вся эта история началась с Гила, — сказал Фран, — поэтому думаю, что именно ему придётся взять на свои плечи самую тяжёлую часть работы.

— Если это так, — решил добавить Лютц, — я одолжу ему комплект одежды для выполнения работы. Там очень грязно, поэтому она будет кстати.

За этот день, покормить детей — все, что мы можем успеть сделать. Однако, и это не плохо, ведь сделав это, возникнет уверенность, что никто не умрет от голодной смерти уже этим вечером. Понимая это, я приняла расслабленный вид. Фран же, напротив, выглядит крайне напряжённо.

— Сестра Мэйн, узнав о нашем предприятии, глава храма непременно выступит против. Примите это к сведению и будьте начеку с Делией. — предостерёг он.

— ...А как насчёт главного священника?

Мне кажется, что не только глава храма будет против, но и главный священник. Интересно, что по этому поводу скажет Фран?

— Я введу его в курс дела, касательно вашего отношения к детскому дому. Вы, безусловно, схожи с ним в трепете за судьбу детей.

— Что? — с удивлённым видом сказала я. — Когда говорила с ним на тему детского дома, у меня сложилось совсем иное представление о его отношении к детям.

На мгновение, глаза Франа стали как блюдца, затем, удивление спало с его лица и он опустил взгляд.

— Разве вы не слышали о положении дел от Делии? Глава храма обладает большей властью, чем главный священник. Чтобы не иметь с ним конфликтов, Отцу приходится скрывать свои мотивы. Это вполне разумно, ведь при таких обстоятельствах, он бы не смог выдержать конфронтации с главой. Тем не менее, несмотря на его попытки скрывать мотивы, я чувствую, что ему безразлична судьба детского дома.

— ...Понятия не имела, что на самом деле всё так.

В какой момент главный священник намекнул на своё истинное отношение к детскому дому? Или Фран научился читать мысли?

Пока я ломала голову, пытаюсь разобраться во всём этом, Лютц начал говорить.

— Надо сказать главному священнику, что Мэйн его неправильно поняла. — сказал Лютц Франу.

— Как скажете. Сестра, вам необходимо изучить эвфемизмы, которые знает использует для завуалированного общения между собой.

На меня смотрят так, словно я — бесполезный ребёнок. Как же это обидно.

За последние несколько дней, Гил безукоризненно выполнял свою часть работы. Также, мы с Франом активно продумывали как выйти на диалог с главным священником. Поскольку в нашем плане фигурирует Мастерская Мэйн, пришлось поделиться соображениями с Лютцем и Бенно. Бенно тут же начал ворчать, что всё это кажется очередной занозой в заднице.

Для себя я решила, первое что надо сделать — согласовать мои планы с главным священником, после чего — приступить к работе по улучшению быта детского дома. Однако, Бенно не разделяет мои стремления. Он сильно разозлился и назвал меня бездумной соплячкой.

— Не будь такой самонадеянной! Ты любишь обходные пути, но подобное поведение по отношению к дворянам, не приведёт ни к чему хорошему! Ты должна оповестить его о своём намерении поговорить с ним. Если не сделаешь этого и внезапно наведаешься к нему — это будет плохим тоном. Уверен, после такого, он даже и говорить с тобой не станет!

— Всё именно так, как сказал господин Бенно. — вмешался Фран. — Обычно, определившись с целями, вы незамедлительно начинаете двигаться к их достижению. Однако, примите к сведению, подобное поведение неприемлемо в плоскости дворянских отношений. Вы должны согласовать предстоящую беседу со знатной особой. Также, обращаю ваше внимание: в подобных беседах нельзя торопиться. Разговор должен быть спокойным и неспешным, чтобы каждая из сторон могла ясно видеть выгодные для себя вещи.

Фран объяснил мне, что в тот день, когда я, ошеломлённая увиденным, ринулась требовать содействия от главного священника — это было крайне опрометчиво с моей стороны. Главный священник не смог должным образом подготовиться к беседе, а также не успел собрать нужную информацию.

— Однако, Сестра Мэйн, этот момент — прекрасная возможность для вас научиться тонкостям ведения дел с дворянами. Внимательно наблюдайте за организацией встречи, извлекая для себя полезные уроки. Это очень поможет вам в будущем.

Покончив с этим, мы принялись прорабатывать план действий. Было решено, что сначала я становлюсь директором детского дома, а уже потом использую Мастерскую Мэйн для его

реформации.

Мы приведём детей в нормальный вид и очистим здание детского дома. После этого, создадим мастерскую в подвале мужского общежития, а затем, для готовки пищи и изготовления бумаги, установим печи и некоторые дополнительные инструменты.

Также, будет проведено разделение детей на команды: по работе в храме, по сбору леса и созданию документов, по работе в детском доме. В течении первого месяца, дети будут переходить из команды в команду, чтобы попробовать все виды труда. По итогу, они смогут точно определиться, чем бы им хотелось заниматься.

По мере продвижения в деле, придётся приобретать инструменты и одежду у Бенно. Чтобы получить средства для их приобретения, я поручила Лютцу и Ральфу изготовление вешалок. Кстати, эти вешалки примечательны высоким уровнем эргономики. Я объяснила Бенно, что подобные вешалки, в отличие от крестообразных, намного удобнее в эксплуатации. Услышав это, его глаза заблестели и он тут же набросился на них.

Он поблагодарил меня, также сказав, что всегда рад когда я приношу что-то подобное.

— Для чего детскому дому независимость от Мастерской Мэйн? — внезапно спросил Бенно, смотря на меня.

Знаю, что проигнорировав его, спровоцирую гнев, поэтому решительно отвечаю.

— Чтобы знать наверняка, что он сможет сам покрывать свои расходы на существование. В те моменты, когда благословений не хватает, я хочу быть уверена, что дети смогут купить себе еды, чтобы не голодать.

— Не голодать?

— Храм практически не кормит детей, поэтому я бы хотела, чтобы они ни от кого не зависели и доставали еду сами.

Пока я отвечала Бенно, Лютц рассчитывал стоимость необходимого количества еды и цену на бумагу.

...С едой все выходит даже проще, чем я думал.

Изначально Лютц говорил, что если дети не располагают деньгами, то они могут собирать еду в лесу, но беря в расчёт масштабы детского дома, становится понятно, что для выживания этого будет недостаточно. Однако, если дети будут получать деньги через мастерскую, то выручка будет покрывать расходы на еду.

— Если они будут работать на мастерскую, — начал Бенно, — какой смысл учить их ходить в

лес?

— Они все-равно будут ходить в лес, чтобы добывать ресурсы для бумаги, так что можно убить двух зайцев, обучив их ещё и сбору еды. Это нужно на тот случай, если с работой у них не задастся. Я бы не хотела чтобы из-за отсутствия знаний, они пошли по моим стопам и насобирали кучу ядовитых грибов.

— Да, в своё время ты собрала целую тонну таких грибов... — напомнил Лютц.

Тем временем, Фран проделал много тайной работы, чтобы добиться от главного священника одобрения моего плана. Помимо этого, он договорился о моей встрече с ним.

Несмотря на это, мне всё-равно придётся сделать официальный запрос для встречи, поэтому Фран принялся объяснять мне, как это правильно сделать.

...Господи, эти дворяне — сплошная заноза в заднице.

К моменту когда обращение поступило к главному священнику, благодаря усилиям Гила, дети стали намного здоровее. Гил поведал мне, что у них появился аппетит, и они перешли от употребления хлебной каши к твёрдой пищи. Всё это намекает, что пришла пора устроить им банный день, а также убраться в их комнатах.

Встреча была назначена на третий звонок колокола. Когда он прозвонил, я и Фран отправились к главному священнику. Тем временем, Гил и Лютц пребывали в моей комнате, с нетерпением ожидая исхода встречи.

— Отец, — начала я, — спасибо, что нашли время для встречи со мной.

— Ах, Мэйн. ...Проходите.

Похоже, главный священник уже отпустил людей, поэтому в его комнате нет никого, кроме Арно. Подойдя к его рабочему месту, я было хотела заговорить, но он повернулся и направился к кровати.

— Отец?! — удивлённо воскликнул Арно.

Глаза Франа вот-вот полезут на лоб от удивления. У меня нет и толики понимания происходящего, поэтому я просто иду за главным священником. Он раздвигает шторы балдахина, висящего над кроватью, жестом подзывая меня подойти ближе. Подойдя к кровати, я опустила голову и заметила дверь.

— Мы будем говорить здесь. — сказал он, указывая на дверь.

Главный священник протянул руку к двери, словно подставляя её к сканеру отпечатков

пальцев. В этот же момент, возник мерцающий сине-белый магический круг, а из драгоценного камня на перстне главного священника, начал излучаться красный свет. Свет превратился в луч и прошёл по периметру круга один раз, медленно растворяясь в воздухе.

— Помощники не могут пройти за эту дверь. Проходите, Мэйн.

Он толкнул дверь, и с сильным скрипом она отварила. Ни секунды не колеблясь, он шагнул в проход. Арно и Фран стояли как вкопанные, наблюдая за происходящим. Увидя внутри помещение, окутанное крошечной тьмой, мной овладела тревога. Я обернулась на Франа. Он кивнул мне и слегка подтолкнул к проходу.

— И-извините за вторжение. — произнесла я, делая шаг внутрь.

Только я принялась закрывать за собой дверь, как в этот же момент, в стенах комнаты образовались окна, а помещение наполнилось ярким светом, будто кто-то открыл наглухо закрытые ставни.

— Ух-х-х?!

Прищурившись, ожидая адаптации к столь яркому свету, я услышала как главный священник что-то двигает в комнате. Медленно открыв глаза, я обнаружила, что некогда тёмное помещение, представляет собой кабинет, напоминающий кабинет университетского профессора.

На столах и полках грудой лежат кучи свитков, пергаментов и книг. Стойки заполнены инструментами, невиданными мной ранее и напоминающими научное оборудование. В углу комнаты располагался диван, на котором красовалась целая гора документов.

Это комната разительно отличается от остальных владений главного священника. Помощники не убираются здесь, поэтому вещи лежат не на своих местах. Всё это говорит о том, что комната служит тем местом, где главный священник может побыть один.

— Особенность этой комнаты в том, что в неё можно попасть только при наличии определённого уровня маны. Думаю, что из всех ныне проживающих в храме священников, вы — единственная кто может попасть сюда. Пожалуй, это идеальное место для конфиденциального разговора.

— Это офигительно крутая секретная комната! От неё так и веет магией...

Главный священник принялся отодвигать стопки бумаг с дивана, время от времени поглядывая в мою сторону.

— ...В ваших владениях тоже должна быть тайная комната.

— Правда? Не знала этого.

Моя кровать не имеет балдахина. Всё, что у неё есть — рама, на которой даже матраса нет. Вспоминая мой обморок, думаю, было бы кстати хоть как-то обустроить постель.

— Ваша мана была зарегистрирована у двери, поэтому на некоторое время, вы не сможете ей воспользоваться.

— Как это была зарегистрирована?

— В данный момент это не важно. Давайте обсудим то, ради чего мы собрались здесь. Пожалуйста, присаживайтесь.

Уходя от моего вопроса, он указывает на уголок дивана, недавно освобожденный от документов. Далее, он берёт стул и садится за рабочий стол. Смотря на его лицо, я вижу проблески эмоции, которые никогда не мог позволить себе Фран. Он хмурит брови, всем видом говоря о своём недовольстве.

...Он будет отчитывать меня?

Последнее несколько дней, Фран обучал меня тонкостям поведения дворян, поэтому я догадываюсь, что сейчас будет происходить. Интересно, он выбрал это место для того, чтобы третировать меня так сильно, как он не смог бы в присутствие помощников? Определённо, если мне понадобится помощь Франа, он не сможет сюда попасть.

— Уг, хм-м, Отец, зачем вы привели меня сюда?

— Фран доложил мне, вы не понимаете дворянский язык. — намекнул он.

Он многозначительно смотрит на меня. Ему присуща безэмоциональность, но сейчас, когда он хмурится, мне становится не по себе. В отличие от Бенно, чьё негодование выражается громогласными ругательствами, негодование главного священника пугающе сдержанно и наполнено холодом.

— На днях, — начал он, — вы позволили себе открыто обсуждать крайне опасные темы. Разве вы не заметили, что в тот момент, в моём кабинете пребывал помощник Преподобного?

— Нет, нет, я правда его не заметила.

— Поднимая такие темы в его присутствии... — он тяжело вздохнул. — Вы подвергаете мою жизнь опасности. Вы не знали этого?

— ...Мне... Мне очень жаль.

Только сейчас поняла, что склоняя главного священника помочь детскому дому, я по факту

критиковала политическую линию хозяина храма. Уверена, когда происходил этот разговор, все, от главного священника, до его помощников, остолбенели от страха.

— По крайней мере, вы хотя бы помните лица некоторых священников в синих робах и их помощников. Однако, без понимания дворянской политики, как вы будете противостоять вашим врагам? Вы крайне необстоятельны.

Его лицо наполнено изумлением, что сразу же напомнило мне о Бенно. Похоже, куда бы я не пошла, меня всегда будут ругать и отчитывать.

— ...Мистер Бенно постоянно говорит мне, что я бездумная. — расстроено констатировала я.

— Удивительно, сколько раз он говорил, что вам не хватает осторожности, а вы это просто игнорировали. Как жрица в синей робе, вы, так или иначе, втянуты в политическую жизнь, поэтому должны освоить все аспекты дворянской жизни.

— Я поняла вас, Отец.

Фран был прав, главный священник оказался не тем, кем показался мне в начале. Его мотивы были сокрыты от меня, и, похоже, он всячески защищал меня от главы храма.

— Вы не понимаете язык дворян. Из этого факта следует несколько моментов. Вы не способны обнаружить в речах дворянина его истинную позицию, а также неспособны поведать о своих взглядах так, чтобы ваша речь не привела к фатальному исходу. Вне зависимости от ваших взглядов, столь неумелое их выражение не имеет право на существование. Когда стало известно об этих моментах, я решил воспользоваться этой комнатой, чтобы поговорить с вами напрямую, не боясь что нас кто-то услышит.

— Отец, мне искренне жаль, что все сложилось так.

Поскольку главный священник не мог донести до меня своё истинное отношение, он решил прибегнуть к прямому разговору, который можно провести только тут, в этой секретной комнате. Я понимаю, что прибегнуть к такому — крайняя мера, но всё же я рада, что теперь могу говорить с ним открыто.

— Фран сказал мне, — внезапно начал он, что вы решили стать директором детского дома. Ранее, вы говорили, что не можете взять на себя подобную ответственность. Теперь ваше отношение изменилось?

Он внимательно осматривает меня. Его глаза, отдающие холодным блеском, смотрят так, словно видят меня насквозь. Я распрямилась и, чтобы показать свою решительность, посмотрела ему прямо в глаза.

— Честно говоря, мысль о том, что мне придётся взять на себя такую ответственность — пугает меня, однако я не могу оставить детей в таком ужасном положении.

— Хм-м-м. Если вы готовы — я не буду против.

То, как он легко согласился — погрузило меня в глубочайшую фрустрацию.

— Что? — сказала я, вопросительно глядя на него. — Всё в порядке?

— Ранее, я оповестил Франа о моём одобрении, разве он не доложил об этом тебе?

— Он говорил, но, похоже, я совсем не поняла его.

— Да, вы не поняли потому, что не знаете языка дворян.

— Ой-й. Простите.

Когда я в очередной раз извиняюсь, главный священник берёт несколько листов бумаги. Перебрав их, он посмотрел на меня.

— Фран поведал о плане в общих чертах, поэтому многие моменты мне неясны. Думаю, это потому, что Фран сам их не особо понимал. Он сказал, что в плане фигурируют очень много понятий, которыми пользуются торговцы. Пожалуйста, расскажите о плане своими словами.

Я приступила к объяснению плана.

— Я собираюсь открыть отделение Мастерской Мэйн в детском доме. Приоритет стоит на улучшение питания детей, которые в дальнейшем станут работниками Мастерской. Также, требуется провести генеральную уборку в жилых помещениях и подготовить место для работы. Затем, будет проведена установка инструментов и оборудования, за которым дети будут работать. Далее, дети будут обучены минимальным кулинарным навыкам, чтобы иметь возможность приготовить себе еду. Думаю, умение приготовить себе суп, будет отличным дополнением к благословениям богов, которые они и так получают.

— Понятно. — произнес он, пристально смотря на меня. — А что вы имели в виду, когда заявили, что все дети в детском доме будут иметь статус помощника?

— ...Имея такой статус, по моему поручению, они смогут выбираться за пределы храма.

— Если это единственная причина — это не повод давать им такой статус. Если в храме возрастёт количество синих роб, а в приюте не будет свободных детей — это неминуемо приведёт к серьёзному конфликту. Примите к сведению, будучи директором, вы и так сможете выпускать их на улицу.

— Поняла.

Если я и так могу выпускать детей из храма, нет смысла делать их помощниками. Выражая своё согласие, я кивнула.

— Обеспечив их едой, что вы будете делать далее?

— Им будет поручено производство бумаги на растительной основе. Мы с Лютцем имеем много опыта в этом деле, поэтому нам будет не сложно обучить этому ремеслу даже ребёнка.

— Бумага на растительной основе говорите...

Его взгляд переместился на край стола, где лежала стопка бумаги. Если подумать, из всех подарков Бенно, ему больше всего приглянулась бумага.

— Чтобы предотвратить незаконное присвоение, — начала я, — был заключён магический контракт с Компанией Гилберта. Контракт гласит, что вся продукция Мастерской Мэйн будет продаваться через Компанию Гилберта. Подобная схема защитит нас от нападок со стороны храма.

— Звучит продуманно, очень в стиле торговцев. Теперь, даже если Преподобный узнает, он мало что сможет сделать.

Он слегка прищурился.

— Отлично, отлично. Что следует после налаживания производства бумаги?

— Когда производство будет налажено, за его счёт дети смогут приобретать себе необходимое количество еды. При таких условиях, дети будут относительно независимы и защищены от голода.

— А какая вам выгода с этого? Эти дети никому не нужны, так зачем же заходить так далеко, если вы ничего не получите?

Посмотрев в его глаза, я поняла, что это самый важный вопрос, ради которого он и организовал встречу. Сделав невозмутимый вид, я принялась отвечать.

— Действительно, у меня не было бы смысла им помогать, если бы не одно но — я хочу иметь возможность спокойно читать.

— Что вы сказали? — произнес он, демонстрируя смесь удивления с недоверием.

— Осознавая, что от умирающих детей меня отделяет лишь стена, мне сложно спокойно читать. Хотя, непосредственно в момент чтения, меня это не особо и беспокоит, но когда оно кончается, в моей голове всплывают ужасные картины, от которых мне становится невыносимо тяжело. Понимаете, испытывать одновременно чувство отвращения и вины — слишком для меня.

— Другими словами, цель становления директором и открытия мастерской — возможность комфортно читать?

— Именно так. — сказала я, улыбаясь и кивая.

Главный священник приложил руку к виску.

— Это беспрецедентная дурасть. Вы — полнейшая идиотка.

— Да да, мне часто говорят об этом. — спокойно ответила я.

— ...Ладно. Какие у вас сроки? Сколько времени займёт реализация плана, если вы приступите прямо сейчас?

— Начальная подготовка уже осуществлена, поэтому план будет полностью реализован в течение месяца.

— О? — под сильным впечатлением произнёс он.

Он еле слышно бормочет себе под нос, что я предельно тщательно подготовилась. За это спасибо Бенно и Франу. Они скрупулёзно анализировали план, помогая довести его до состояния совершенства. Единственное что они признали слабым в плане — я. Однако уверена, что смогу доказать им обратное.

— Я полностью одобряю ваш план.

— Огромное спасибо. — признательно ответила я. — Фран говорил, что вы чрезвычайно мудры, и если я расскажу о плане в подробностях, вы обязательно поддержите меня. Господин Бенно также крайне лестно отзывался о вас. Говорил, что для священника, у вас удивительно глубокая проницательность, и если мне нужно будет обсудить важные вещи, я должна обращаться к вам. ...Могу я спросить, почему вы так отличаетесь от остальных священников?

Если бы я спросила его где-то помимо этого места, он бы тут же третировал меня. Услышав мой вопрос, он напомнил мне, чтобы я не спрашивала подобное за пределами этой комнаты.

— Не хочу вдаваться в подробности. Я, как и вы, воспитывался вне храма. Моё воспитание происходило в благородном обществе. По определённым причинам, я ушёл в храм. В общем, это не важно, главное что у меня есть счёты с главой храма. Меня не устраивают его принципы управления. Сейчас, когда храм более-менее стабилен — он не наломает дров, но когда начнутся по-настоящему тяжелые времена — такой глава попросту разрушит храм. Также, хочу отметить, чтобы вы не провоцировали его лишний раз, поскольку его гнев чреват большими проблемами для нас всех.

— ...Может ли моя политика в детском доме спровоцировать его?

Дав детям возможность зарабатывать, это неминуемо ломает традиционный уклад. Когда главный священник услышал мой вопрос, он фыркнул, заявив, что я слишком поздно задалась им.

— Я хочу создать впечатление, будто принуждаю вас к управлению детским домом. Надеюсь, что вы сможете создать впечатление, что управление вам не нравится. Также, перед тем, как что-то сделать — обязательно консультируйтесь со мной. И ещё, обязательно прислушивайтесь

к тому, что вам советует Фран. Вам все понятно?

— Да, сэр. — ответила я.

После его наставления, я покинула комнату. Вместе с Франом, мы отправились в моё жилище.

— Мэйн, как всё прошло? — спросил меня Лютц.

— Он был вне себя. Сказал что мне обязательно нужно изучать дворянскую жизнь. Также, сказал что я безрассудна и самонадеянна...

— Так, гм, получается что мы не сможем помочь детям?

Гил и Лютц взволнованны. Их лица омрачила маска беспокойства. Я помотала головой, чтобы развеять их опасения.

— Нет, нет, я стала директором. Всё готово, чтобы приступить к реализации плана. Единственное что меня огорчает — куда бы не шла, я словно магнит для чьих то негодований...

— Ну-у-у, это потому что ты — это ты. — смеясь сказал Лютц, похлопывая меня по голове.

Прежде чем приступить к плану, есть один момент — Делия. Она «тайный» агент главы храма, и я хочу переманить её на свою сторону.

Хоть я и считаю, что превосходно скрываю от неё информацию, но уверена, что даже она сможет обнаружить столь громадное предприятие, как реформация детского дома. Единственное чего я хочу добиться — чтобы глава храма не вмешивался пока не наладится прибыль.

Делия говорила, что если могу чем-то помочь детям — нужно это сделать. Думаю, что я могу заручиться помощью человека, сказавшего такие слова. В противном случае, было бы странно, если после всего сказанного, она вдруг наплевала бы на детей и выступила против нас.

Встретившись с Делией, я решила честно её спросить. Поскольку Делия не раз демонстрировала честность, например, когда рассказывала мне о своих встречах с другими помощниками главы храма, думаю, мне тоже стоит быть честной с ней.

— Итак, Делия, я планирую помочь детскому дому и не хочу чтобы глава храма помешал мне в этом. Когда начнётся реализация плана, ты должна молчать о нём. Если ты сделаешь это — это будет вклад в спасение детей. Могу ли я положиться на тебя?

Воцарилась продолжительная тишина. Делия крепко зажмурилась, начав тряссти головой, будто пытаясь вытряхнуть из неё все мысли.

— ...Я не хочу в детский дом. Не хочу иметь с ним ничего общего. И вспоминать о нём тоже не хочу.

— Да, я понимаю тебя. Потому я предлагаю тебе остаться тут и просто следить за поварами. Всё что я хочу от тебя, чтобы ты не смотрела в сторону детского дома, понимаешь меня?

Контроль ингредиентов и приглядывание за поварами — важные задачи, поэтому поручив их Делии, я могу убить двух зайцев — обеспечить порядок на кухне и отгородить Делию от детского дома.

На мгновение, мне показалось, что Делия испытала облегчение, но в этот же момент, она заносчиво отвернулась.

— Хорошо, я буду молчать. Но запомни, я делаю это не ради тебя, а ради детей. Не думай что тронула меня своей добротой.

Мне приятно это слышать, поэтому я тоже кое-что пообещала ей.

— Спасибо, Делия. Я спасу детей.

— Я.. Я не особо тебя и просила! Но чтобы не случилось, знай, если у тебя это не получится — я никогда этого не прощу.

Она колючая, как ёж, но за этими иголками скрывается надежда.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/422835>